

Одичание

Младен Долар

Университет Любляны

Одичание

Аннотация

Статья берет свое заглавие из короткого фрейдовского текста «О “диком” психоанализе» (1910), где Фрейд рассуждает об идее использования секса как универсального средства от тревоги и всех психических проблем вообще. Эта расхожая рекомендация, данная неаналитиком, выдавала за свое основание психоаналитическое научное открытие. Статья следует рассуждениям Фрейда, в ходе которых он утверждает, что секс не является сущностью, которую можно локализовать, но принадлежит, скорее, смещению; что он не имеет предсказуемых эффектов, которые могут встать на рельсы телесной причинности; что сексуальное удовлетворение не может быть средством лечения невротических расстройств; что необходимо учитывать специфичность фрейдовского понятия бессознательного; что секс, не являясь ни фактом, ни причиной, тем не менее производит эффекты. Фрейдовский аргумент противостоит машине «Антисексус», изображенной Платоновым: этот механизм основан на ошибочном понимании сексуальности, с которым и борется Фрейд.

Ключевые слова

«Антисексус», «дикий» психоанализ, Платонов, психоанализ, сексуальность

В статье 1910 г. «О “диком” психоанализе» (Фрейд 2008а: 133–143) Фрейд описывает пациентку, которая, слегка сбита с толку, пришла к нему за советом. Ей было за сорок, она выглядела хорошо, однако страдала приступами тревоги, поводом для которых стал недавний развод. Сперва эта женщина обратилась к другому доктору, который объяснил ей, что причиной ее состояния является сексуальная неудовлетворенность, и, если она желает снять симптомы и исцелиться от тревоги, ей следует вернуться к мужу или найти любовника, либо же заняться мастурбацией. Секс был преподнесен как верное средство от этого недуга, ибо его отсутствие ясно диагностировалось как причина неприятностей пациентки. Более того, молодой доктор подкрепил этот совет передовыми достижениями науки, а именно недавними открытиями доктора Фрейда. В последнее время наука совершила значительный прогресс в этой области, сделала большой шаг вперед, получивший имя психоанализ (это 1910-е гг.), так что теперь авторитет самой науки подталкивает ее к тому, чтобы заняться сексом, — неважно как и с кем, с мужем или любовником, или хотя бы мастурбацией. Такого рода научная рекомендация привела несчастную женщину к еще более тяжелому состоянию тревоги, ведь теперь она убедилась в том, что неизлечима. Возвращаться к мужу ей не хотелось, а ее моральные и религиозные взгляды препятствовали тому, чтобы завести любовника или мастурбировать: эти перспективы внушали ей дополнительный ужас — стало быть, учитывая новые достижения науки, случай оказывался безнадежным. Потому она и решила проконсультироваться с самим доктором Фрейдом, источником новой научной мудрости, дабы убедиться, что речь действительно идет об этом, и узнать, можно ли еще что-нибудь предпринять. На эту встречу она пришла вместе с другой резведенной дамой преклонного возраста, «женщиной, имевшей чахлый и нездоровый вид», которая была убеждена, что это не может быть правдой, и просила Фрейда удостоверить ее взгляды. Она была в разводе уже много лет и ни от чего не страдала — ни от тревоги, ни от отсутствия секса. Таким образом, научный авторитет Фрейда оказывался под вопросом, а вместе с ним и сущность нового научного открытия — психоанализа.

Все это весьма озадачило Фрейда, поскольку он столкнулся с тем фактом, что спустя каких-то десять или пятнадцать лет после своего возникновения психоанализ уже начал дичать. Он распространялся не просто как докса (слухи о новом открытии неизбежно превратили его в дух времени и предмет обсуждения желтой прессы, сдобренный, как и полагалось, скандальностью и остротой сексуального подтекста), но как научная докса, если можно использовать такой оксюморон, как непреложная часть квазинаучного объективного знания, которую молодые доктора доносят до своих пациентов. Наука занимается поиском настоящих причин любых странных феноменов, и теперь, в соответствии с новой доктриной психоанализа,

универсальной причиной психических проблем оказалось отсутствие секса. Едва ли это можно было назвать каким-то невероятным открытием — на протяжении тысячелетий подобного рода рекомендации витали в воздухе как народная мудрость, — однако теперь психоанализ якобы предоставил надежные научные доказательства в обоснование того, что занятие сексом полезно, а его отсутствие приведет к психическим проблемам. Вот что Фрейд называет здесь «диким» психоанализом на основании того, что, во-первых, эта рекомендация была дана доктором, который, со всей очевидностью, не был аналитиком и не проходил соответствующего обучения, а во-вторых, она была предложена на манер универсального ключа, без учета особенностей конкретного случая: секс был «выписан» при тревоге, как аспирин при головной боли. «Дикость», стало быть, в том, что некоторые фрагменты психоаналитического знания выходят из-под контроля, становятся для каждого дилетанта трюизмом, покидают лабораторную ситуацию психоаналитической сессии, ее тет-а-тет, порождая непредсказуемые последствия. Но эта «дикость» является также и противоположностью дикости, поскольку на деле психоаналитическая составляющая знания лишается своей дикой и необузданной природы; она сжимается до научного факта, удостоверяемого авторитетом науки, с однозначной связью от причины к следствию. Психоанализ не столько дичает, сколько одомашнивается, попадая в рамки установленного и предсказуемого. В диком психоанализе оказывается утрачена сама дикость.

У Фрейда были сомнения на счет того, верно ли передана рекомендация, ведь он обладал многолетним опытом работы с пациентами, которые искажали советы докторов, приспособляя их к собственным проекциям и фантазиям. Тем не менее этот инцидент огорчил его настолько, что он решил написать статью и прояснить некоторые основоположения психоанализа. Его беспокойство касалась в первую очередь не самой рекомендации, но того способа, каким она была озвучена. Фрейд разглядел здесь губительное отсутствие такта и пронизательности. Дело не в том, что психоанализ должен называть вещи своими именами, двигаться к грубым фактам о сексе, к голой истине;¹ уже в своих первых замечаниях Фрейд указал на то, что это вопрос плохой риторики и манер. В соответствии с изначальным определением психоанализа как лечения разговором, *talking cure* (предложенным первой пациенткой Фрейда Анной О.), которое ставит секс в близкую связь не просто с беседой, но с надле-

¹ Вспомним, как Ницше понимал фразу «голая истина»: он полагал, что истина — это женщина, которую философам с их серьезностью и неуклюжестью никак не получается соблазнить. Этот роковой недостаток он приписывал, скорее, риторике и убеждению, чем познавательным силам; истина оказывалась, скорее, на стороне пола, чем на стороне познания.

жащим способом беседы, с тем, что Лакан назовет *l'éthique de bien dire*, этикой хорошего говорения, ведущегося между слов (это, по сути, контрапункт отсутствию каких-либо правил в потоке свободных ассоциаций, которые, как предполагается, дики, и поощряются в своей дикости, но из самой невозможности этой дикости рождается правило). Имеется, можно сказать, этика околичностей (*circumlocution*; словарное определение: «Не относящиеся к делу подробности, косвенные сторонние намеки, скрывающие суть дела» (Ушаков 1935–1940)). Говорить околичностями, вокруг да около — это собственный способ для высказываний о сексе, не из-за ханжества или боязни оскорбить, но потому, что двусмысленность на самом деле характерна для секса, к которому обращается психоанализ; нечто теряется в прямоте так называемых фактов, нечто такое, что нельзя выговорить напрямую. Дабы продолжить эту линию, используем шекспировское выражение, включенное Жижеком в заглавие одной из его книг, «взгляд вкось», или, скорее, «взгляд по сторонам» — такой способ больше подходит, если мы хотим ухватить проблеск чего-то неуловимого, того, что лишено плотности грубых фактов. Нечто анаморфное заключено в сексуальности — анаморфоза как искажение, вписанное в картину, — нечто такое, что невозможно увидеть, если смотреть под прямым углом, но, опять-таки, можно ли получить ясную картину, даже глядя искоса, можно ли вообще разглядеть ясно эту картину в картине? Как бы то ни было, просматривается нечто важное во фрейдовском призыве к осторожности, который фокусируется, прежде всего, на способе говорить, а не на том, что сказано.² Любопытным эхом отзывается сожаление (ироничное?)

² Психоанализ, якобы, сводится к тому, чтобы называть вещи своими именами, т. е. редуцировать все к грубой реальности сексуального как окончательного реального, чтобы сделать скрытое сексуальное явным. Но дела обстоят, скорее, прямо наоборот: сексуальность тесно связана с осторожностью, с чем-то, что нельзя выразить отчетливо, но лишь подразумевая, намекая, оставляя недосказанным. Не только недосказанность сексуального намека, который подразумевает что-то непристойное, но и нечто «настоящее», по сути, остается несказанным. Вполне возможно, что открытые высказывания не попадают в цель, и нагота оказывается чем угодно, кроме естественности. Имеется слово, которое не может быть произнесено, часть тела, которая не может быть показана — так производится ткань интимности человеческих отношений. Центральная роль фаллоса (возьмем самый знаменитый и противоречивый термин) состоит не в том, чтобы «показывать его» как экспонат некоей предельной «реальности секса», но в том, чтобы вводить саму необходимость смещения, невозможность вообще когда-либо его показать. Таким образом, сам фаллос противодействует фаллоцентризму. «Раскрытие скрытого» — такова формула, посредством которой Брэндом пытался разъяснить тайну гегелевской затеи, движущую силу диалектики (Branford 1998). Но объект диалектики в этом совершенно ином контексте есть как раз то, что нельзя сделать явным при всех самых усердных попытках:

Платонова, когда он представляет рекламу нового устройства во введении к «Антисексусу», сожаление о «полном отсутствия ума и чувства элементарного такта» (Платонов 2003: 3).³ Тут есть над чем поразмыслить — такт и секс. Первое же возражение против описываемого устройства касается его бестактности.

Это лишь попутное замечание, хотя и немаловажное. Самая суть дела, как и причина фатального непонимания, заключается в стихийном представлении о сексе. Под сексом обычно понимают то, что включает в себя половой акт и другую активность, которая ведет к оргазму, но психоанализ расширил его значение далеко за эти пределы — и вниз, и вверх, — так что секс утратил характер фактичности, которую можно точно описать и определить. Непосредственные сексуальные цели довольно легко заменяются несексуальными, и эта подмена — не какой-то простой суррогат настоящей сексуальности, а, скорее, то, что находится в самой ее сердцевине. Сексуальность, таким образом, перестает быть некоей основополагающей причиной, которая определяет все остальное; более подходящим образом, несколько усилив Фрейда, ее можно описать как бесконечные серии эффектов, лишенных собственной причины, не основанных на однозначной активности и неоспоримых фактах. Если это новая наука о сексуальности, то такая, которая ставит под вопрос само понятие факта и причины — два краеугольных камня любой науки. Природа ее объектов толкает ее на путь проблематизации фактичности и причинности.

Фрейд делает другой ход, чтобы объяснить это трудноопределяемое понятие «сексуальность»: «Мы употребляем слово “сексуальность” в том же самом широком значении, в каком в немецком языке употребляется слово “любить”» (Фрейд 2008а: 137). То есть речь, похоже, идет не о сексе, а о любви. К проявлениям любви во всей ее многогранности в языке Фрейд обращается в разных работах:

Даже в своих причудах словоупотребление остается верным какой-либо действительности. Хотя «любовью» в нем называются очень разные эмоциональные отношения, которые также и мы теоретически объединяем словом любовь, но потом в нем опять возникает сомнение, является ли эта любовь настоящей, подлинной, истинной, и указывается на целую градацию возможностей в рамках феномена любви (Фрейд 2008в: 104).

Если языковая практика простирается от любви сексуальной до любви к родителям, к соседям, к учителю, стране, к делу, искусству или Богу, тогда это широкое распространение во всех направлениях,

он, скорее, производится ими. Существует ли тема «диалектики и такта», уважения к невяному?

³ У его производителей. — *Примеч. перев.*

эта причудливость языка действует и в области сексуальности с ее склонностью выходить далеко за рамки того, что обычно понимают под сексом. Нет никакого твердого ядра секса, которое как истинную основу всех остальных феноменов можно было бы отделить от такого распространения; продолжение сексуальности в языке не менее реально, чем ее предполагаемое твердое ядро, хотя их невозможно отделить друг от друга. Сексуальность обретается, скорее, в переходе, в самом этом промежутке между половой жизнью, понимаемой в узком смысле, и ее на первый взгляд отдаленными духовными отголосками. Или, короче говоря, между сексом и душой (вспомним замечательную формулировку Платонова: «Решить мировую проблему секса и души» (Платонов 2003: 5)). Любовь здесь выступает как искусный оператор, который, благодаря своему семантическому скольжению, представляет этот переход в обыденном понимании. Показательно и вписанное в расхожее словоупотребление сомнение в том, какая из всех разновидностей любви является «настоящей, подлинной, истинной», сомнение, которое смещает акцент вверх или вниз по платоновской лестнице. Любовь — это оператор и притяжения, и отталкивания: отталкивания от секса в узком и ограниченном смысле, притяжения как «чрезмерной инвестиции», «патологической» фиксации, задержки на сингулярности, которая преодолевает и природную, и духовную универсальность, так сказать, связанность несвязанного. Логика притяжения-отталкивания, введенная любовью, меняет полярность сексуального-не-сексуального и вопроса о его расширениях. Но, кроме того, она несет в себе опасность «восхваления любви», этой модной темы, которая стремится обойти фрейдовские парадоксы.⁴

Если совет молодого доктора был верен, если секс может быть универсальной панацеей, то психоанализ больше не нужен, говорит Фрейд: «Довольно странно, что в этой терапевтической альтернативе мнимого психоаналитика не остается места для психоанализа» (Фрейд 2008а: 139). Во-первых, люди не нуждаются в такого рода советах: абсурдно полагать, что женщина за сорок ничего не знает о любовниках и мастурбации, или что ей нужен ордер врача, чтобы этим заняться. Неправда, что люди заболевают оттого, что игнорируют базовые факты или научные открытия, а их проблемы можно излечить предоставлением информации. Говоря более точно, бессознательное не основано на незнании чего-то, и отсутствующую,

⁴ Для компании, о которой говорит Платонов, все ясно: «Любовь, как установила современная наука, есть психопатическое состояние, свойственное организмам с задатками нервного вырождения, а не здоровым деловым людям» (Платонов 2003: 8). Они хотят обеспечить сексуальное удовольствие, освобожденное от забот любви и ее психопатологии, непатологическое удовольствие без всего того, что находится «по ту сторону принципа удовольствия».

вытесненную информацию, то, чего не знают, нельзя просто сообщить пациенту, который примет ее к сведению:

Если бы знание о бессознательном было для больного столь важным, как думается тому, кто несведущ в психоанализе, то для излечения будет достаточным, если больной прослушает лекции или прочитает книги. Но эти мероприятия оказывают такое же влияние на симптомы нервного недуга, какое оказывает на чувство голода раздача карты блюд голодным людям (Фрейд 2008а: 139).⁵

Хотя Фрейд здесь избегает вывода о том, что простая раздача еды будет недостаточной для решения проблемы голода, сексуальность расположена, скорее, между меню и едой, таким образом, что никакой еды без меню фантазии нет.

Во-вторых, неверно, что психоанализ должен стремиться снять запреты, с которыми обычно сталкиваются люди, и позволить им, наконец, наслаждаться сексом; дело, скорее, в том, что это не причина, к которой нужно прийти, а «хромающее основание»,⁶ которому нельзя отвести подходящего места, чтобы оно служило устранению психической проблемы. Подобно тому как бессознательное не является некоей отсутствующей частицей информации, которую можно восполнить, недостающим означившим, которое требуется воссоздать, так и сексуальность структурирована, скорее, вокруг отсутствующей причины — отклонения от простой психологической причинности, — причины, которая не может быть целиком восстановлена, или, в более широком и общем смысле, сексуальность структурирована вокруг отсутствующего звена, воздействующего на само бытие. Отсюда тема сексуальности и онтологии, которую столь мастерски описала Аленка Зупанчич (см.: Zupančič 2008). Если у нас есть бессознательное и некая особая проблема с сексом, то имеется кривизна в самом порядке бытия. Наука призвана распрямить эту кривизну, исправить ее, заполнить пустующие ячейки, сохранить онтологическую цепь (в смысле обслуживания и ремонта, если что-то идет не так); психоанализ же в этой связи являет собой курьезный случай науки, который, утверждая и ценя все научные идеалы, преследует их до самого конца, пытаясь охватить даже самые тончайшие смещения лишь для того, чтобы очертить место, в котором нечто не может быть целиком охвачено и восстановлено, но которое вписано в сам порядок бытия. Как если бы

⁵ «Представления, что больной страдает вследствие своего рода неведения, и если это неведение устранить с помощью сообщения, то он должен выздороветь» (Фрейд 2008а: 138).

⁶ «Причина, короче говоря, бывает лишь там, где что-то хромает», — говорит Лакан (2004: 28). «Il n'y a de cause que de ce qui cloche» буквально означает «причина существует только там, где нечто хромает или начинает идти не так».

за самой бессознательной оговоркой стояло смещение самого бытия, «оговорка по Фрейду» самого бытия.

Фрейд высказывается даже более определенно, подводя нас к парадоксу: «Психоанализ действительно подчеркивает, что сексуальная неудовлетворенность является причиной нервных недугов» (Фрейд 2008а: 137). Значит, совет молодого доктора был верным, технически совпадающим с тем, что психоанализ говорит на деле; стало быть, этот совет имеет структуру известной еврейской шутки: ты говоришь чистейшую правду, так почему же ты мне лжешь? Это ложь, принявшая форму если и не истины, то, по крайней мере, правильности (*richtig*). Но будучи технически правильной, она упускает истину: в основании лежит нехватка сексуального удовлетворения, но такая нехватка, которая не может быть просто заполнена сексуальным удовлетворением. Иначе говоря, в выборе между удовлетворением и неудовлетворенностью есть нечто такое, что бьет мимо цели, ключевой точки, мимо реального в сексуальном, которое не может быть полностью охвачено исчерпывающими, казалось бы, вариантами (этого не достичь введением шкалы со значениями «частично», «больше» или «меньше»). Фрейд также раскручивает парадокс с другого конца, в кажущемся противоречии: на самом деле невротики могут вести сексуальную жизнь. Наличие секса не предохраняет их от невроза, «просто» нечто в их сексуальности оказывается для них недостижимым, недоступным. Они неспособны управиться с вытеснением, которое неотъемлемо от сексуальности, поскольку же оно неотъемлемо — не является простым запретом, наложенным обществом извне, — то и снять его с помощью сексуального акта нельзя. Скорее, невротики являются предвестниками того, что в сексуальности недоступно на уровне структуры.⁷ Тогда контраргумент должен быть такой: да, сексуальная неудовлетворенность приводит к неврозу, однако секс не предотвращает невроз. Вот зачем нужен психоанализ.⁸

⁷ Именно здесь вступает в действие скандальная идея Фрейда — более скандальная, чем предполагаемая одержимость сексом, — идея о том, что в сексуальности есть нечто, сопротивляющееся удовлетворению: «Иногда кажется, что дело не только в давлении культуры, что в самой сущности функции есть нечто такое, что не дает нам полного удовлетворения и оттесняет нас на другие пути. Быть может, это — заблуждение; разрешить этот вопрос непросто» (Фрейд 2008: 235). Если нечто в самой сексуальности противостоит удовлетворению, тогда можно сказать, что *sexus* «всегда-уже-есть» *anti-sexus*. Это не общество подавляет сексуальные влечения, они сами всегда протягивают руку подавлению, запрет может черпать свои силы только из того альянса, в который он вступает с влечениями.

⁸ Революционной левой версией молодого доктора является Вильгельм Райх с его твердой верой в то, что отсутствие секса служит причиной не только индивидуального, но и структурного невроза, что оно укрепляет подчинение

Рекомендации молодого доктора не нужно было дожидаться Фрейда. Если совет нуждался в авторитете, то им вполне мог бы стать авторитет Платона. Именно от него ведет свою родословную истерия, о которой в «Тимее» сказано следующее:

Подобным же образом и у женщин та их часть, что именуется маткой, или утробой, есть не что иное, как поселившийся внутри них зверь, исполненный детородного вожделения; когда зверь этот в поре, а ему долго нет случая зачать, он приходит в бешенство, рыщет по всему телу, стесняет дыхательные пути и не дает женщине вздохнуть, доводя ее до последней крайности и до всевозможных недугов, пока наконец женское вожделение и мужской эрос не сведут чету вместе и не снимут как бы урожай с деревьев, чтобы засеять пашню утробы посевом живых существ (Платон 2007: 91c-d).

Теория блуждающей матки имела сторонников вплоть до XIX в. Платон вполне в психоаналитической манере описал различие мужского/женского как различие между локализацией и нелокализацией: мужское наслаждение локализовано в особенном органе (непокорном и своевольном, но все же скованном в определенных границах), в то время как орган женского наслаждения блуждающий, а потому вездесущий, повсеместный, лишенный собственного места, а значит, представляет опасность. Таким образом, именно Платон является источником этого здравого совета о сексуальном удовлетворении как лекарстве от истерии: нелокализуемое, так сказать, следует закрепить. На этом пути сексуальность встает на место отсутствующей причины, начинает заполнять промежуток отсутствующего звена, она заново вписывает проблему в цепь природной причинности, и мы приходим к утешительной картине: отсутствие секса задает весь истерический круг, а его наличие возвращает вещи на их законные места. Совет молодого доктора является, по сути, платоновским, в той мере, в какой идея платонической любви простирается за пределы секса, в область, которая, в конечном счете, им не запятнана. Она уравнивается отведением сексу подходящего места, так что секс и душа (воспользуемся замечательной формулировкой Платонова) поддерживают и дополняют друг друга. Включенность сексуальности в порядок бытия — главная проблема онтологии

капитализму, а лучшим или даже единственным лечением от этого является секс. В своем “Sex-Pol Manifesto” он выдвигает требование свободы разводов, свободы контрацепции, аборт, ухода за детьми и здоровьем, сексуального образования, снятия запрета на гомосексуальность и т. д. (Reich 2014). Ему казалось абсолютно ясным, что эти требования не могут быть реализованы в капиталистическом государстве. Спустя восемьдесят лет стало очевидным, что идея сексуальной причинности не совсем работает.

для Лакана — будет, в таком случае, с одного конца предполагать совет заняться сексом, производительным сексом, целью которого является рождение детей в качестве средства от любой непокорности, а с другого — платоновскую лестницу, ведущую в плавной прогрессии от красивых тел к идеям, от секса к душе. Секс для размножения плюс духовное воспарение — это официальная формула христианской парадигмы, но, очевидно, она не работает. От Платона к Платонову: цель антисексуального устройства в том, чтобы «положить конец сексуальной дикости человека», поскольку «беспорядочный секс есть беспорядочность души», поэтому, дабы обеспечить полное и гарантированное сексуальное удовлетворение, следует «уничтожить сексуальную дикость человека и призвать его натуру к высшей культуре покоя и к ровному, спокойному и плановому темпу развития» (Платонов 2003: 5). Отсюда вытекает крайняя неоднозначность Платонова: конечно, это иронический прием с насмешливым негодованием и равно насмешливыми описанием и комментариями. (Ирония, согласно классическому определению Квинтилиана, это “*contrarium eo quod dicitur intellegendum est*” (Quintilian 1996: 400), т. е. случай, когда следует видеть противоположное тому, что говорится, или же когда подразумеваемое противоположно тому, что сказано: в итоге никто не знает, А или не-А действительно имелось в виду). Антисексус — это и монстр, и утопия, утопический монстр, в котором не преобладает ни то, ни другое. Что-то придется сделать с непокорностью секса, а ленинский вопрос «Что делать?» рано или поздно, в некоторых своих аспектах, обернется вопросом «Что делать с сексом?». Взгляните на Платона, взгляните на христианскую мораль, посмотрите и на консервативную, и на революционную морали — необходимо что-то делать с сексом, освободить ли, подавить ли, но оставить его в том виде, в котором он существует, нельзя: не может быть отрешенности (*Gelassenheit*), никакой безучастности в вопросе секса, никто не может сказать «пусть все будет как есть». В одинаковой мере имеется и необходимость, и невозможность регулировать секс, и, к тому же, не бывает так, чтобы он просто «существовал».

Для Лакана вся онтология была глубоко сексуализирована, и в этом был ее главный изъян, изъян недопущения изъяна. «До некоторых пор все понятия, которыми познание оперировало, были связаны так или иначе с фантазмом записи половой связи» (Лакан 2011: 97). Так, аристотелевская онтология делает не столь уж неявные утверждения о *hyle* и *morphe*, материи и форме, продумывая их по модели оппозиции женского и мужского:

Возьмем, к примеру, такие термины, как активное и пассивное — термины, в которых некогда мыслилось преимущественно соотношение между материей и формой, фундаментальное соотношение,

к которому Платон и, вслед за ним, Аристотель, прибегали в своих размышлениях о природе вещей на каждом шагу. В основе этих размышлений зримо и осознаваемо лежит фантазм, призванный заместить собой то, что в любом случае высказано быть не может — сексуальные отношения (Лакан 2011: 97).

В конечном счете онтология основывалась на скрытой посылке об отношении, сексуальном отношении, которое оказывалось парадигмой отношения как такового. Поэтому, конечно, тезис «сексуальных отношений не существует» — простейший лозунг, с помощью которого Лакан пытался этому противостоять, — парадоксальным образом предполагает десексуализацию универсума, и тем самым мнимый пансексуализм психоанализа достигает своей противоположности: разоблачить расхожие стили мысли, которые вписывают в порядок бытия сексуальность как его тайную (или явную) путеводную нить, как ключ к постижению базового отношения. Невозможность такого включения лежит в сердце психоанализа.

Но позволим себе вернуться к «дикому» анализу в следующих двух моментах. Во-первых, Фрейд, скорее всего, был крайне раздражен поверхностной рекомендацией молодого доктора, который использовал его имя, чтобы заручиться авторитетом науки. Фрейд не просто взял на себя труд написать статью по такому вроде бы незначительному поводу, но дал более развернутый ответ на опасности, лежащие в подобного рода советах, ответ, состоящий ни больше ни меньше в создании психоаналитической ассоциации — организации или партии, — призванной охранять основоположения психоанализа от их вульгаризации. Фрейд чувствовал себя довольно неловко, давая начало организации, которая должна была монополизировать использование этого нового лечения (требуя «эксклюзивных прав» для ее практики людьми, получившими надлежащую подготовку), и тем не менее

весной 1910 года мы создали международное психоаналитическое объединение, члены которого подтверждают свою причастность к нему через публикацию своих фамилий, чтобы иметь возможность снять с себя всю ответственность за деяния всех тех, кто к нам не принадлежит, но свой врачебный подход называет «психоанализом» (Фрейд 2008а: 140).

Таким образом, к вопросу о «диком» психоанализе не следует относиться легкомысленно. Необходимы гарантия и контроль, достоверное экспертное знание, чтобы противостоять знанию любительскому и неподготовленному. Это влечет за собой драму множественных парадоксов: необходим Другой, чтобы удостоверить отсутствие Другого, чтобы утвердить «несуществование Другого» и

требование включать то, что не может быть включено. Психоанализу угрожают не столько его оппоненты и то сопротивление, которое он вызывает, сколько его же собственный успех. «Одичанию» психоанализа должна противостоять защищенная дикость, наподобие природного заповедника (или охотничьих угодий), огороженное пространство — с вытекающим отсюда зрелищем неудач аналитических ассоциаций, свидетелями которых мы были на протяжении века. Они либо сталкивались с нескончаемыми расколами и спорами по мелочам, либо вводили кодификацию и нейтрализацию, разрушающую заповедную дикость. Психоанализ продолжал дичать, или, скорее, не мог быть в полной мере одомашнен ни доксой, ни экспертной инициацией.

В другом месте Фрейд, однако, замечает, что «дикий» психоанализ может нанести больший урон психоаналитическому делу, нежели пациентам. Вполне может быть, что любительское вмешательство способно иметь положительные следствия. В этом конкретном случае

дикий психоаналитик сделал для своей пациентки все-таки больше, чем какой-нибудь высокоуважаемый авторитет, который сказал бы ей, что она страдает «вазомоторным неврозом». Он заставил ее взглянуть на действительную причину ее недуга или на нечто близкое к ней, и это вмешательство, вопреки всему сопротивлению пациентки, не останется без благоприятных последствий (Фрейд 2008a: 141).

Совершенно непредсказуемо, каким образом на самом деле может работать «дикий» психоанализ, но он способен иметь по крайней мере то положительное следствие, что разбивает предрассудки пациента, производит шок, указывая в направлении секса, так что, даже будучи ложным, он может сработать (“Ex falso quodlibet sequitur”?).⁹ Секс — не причина, как предполагалось в обсуждаемой рекомендации, но он имеет непредсказуемые эффекты. Он не является чем-то существующим, некоей единицей, которую можно было бы локализовать, тотализировать или субстантивировать, но он неотвратимо производит эффекты. Устройство «Антисексус», описанное Платоновым с такой невероятной иронией, — это плод фантазии, фантазии о том, как объективировать секс и удержать его эффекты, фантазии о том, как положить конец его буйной природе.

Перев. с англ. Эльдара Патракеева

⁹ (Лат.) Из ложного следует все что угодно. — *Примеч. перев.*

Библиография

- Лакан, Жак (2004). *Семинары. Книга 11. Четыре основные понятия психоанализа*. М.: Гнозис; Логос.
- Лакан, Жак (2011). *Семинары. Книга 20. Еще*. М.: Гнозис; Логос.
- Нанси, Жан-Люк (2011). *Сексуальные отношения?* СПб.: Алетейя.
- Платон (2007). *Тимей*. В кн.: Платон, *Сочинения*, в 23 т., т. 3, ч. 1. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Платонов, Андрей (2003). *Антисексус*. Augsburg; М.: Im-Werden-Verlag.
- Ушаков, Дмитрий (1935-40). «Околичность». В кн.: *Толковый словарь Ушакова*. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/900890>.
- Фрейд, Зигмунд (2008а). «О «диком» психоанализе», в *Сочинения по технике лечения*. В кн.: Фрейд, Зигмунд, *Сочинения*, в 10 т., т. 10. М.: СТД.
- Фрейд, Зигмунд (2008б). «Неудовлетворенность культурой», в *Сочинения по технике лечения*. В кн.: Фрейд, Зигмунд, *Сочинения*, в 10 т., т. 10. М.: Фирма СТД.
- Фрейд, Зигмунд (2008в). «Психология масс и анализ Я», в *Сочинения по технике лечения*. В кн.: Фрейд, Зигмунд, *Сочинения*, в 10 т., т. 10. М.: Фирма СТД.
- Brandom, Robert (1998). *Making it Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Quintilian (1996). *Institutio oratoria VII–IX*, ed. H. E. Butler. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Reich, Wilhelm (2014). *Sex-Pol. Essays 1929–1934*. London: Verso.
- Zupančič, Alenka (2008). *Why Psychoanalysis: Three Interventions*. Uppsala: NSU Press.